

— Это он, генерал! Этот щенок искусал больше десятка наших людей!

Му Цаньшана подняли среди ночи. Он стоял, высокий и статный, хмуρο глядя перед собой. Солдаты торопливо расступались, давая ему дорогу. Увидев бьющегося в сети Чжуаси, молодой генерал на мгновение опешил. Его взгляд скользнул по притихшей толпе, словно выискивая кого-то, и почти сразу замер на Мао Сяофэе.

Тот даже не смотрел на него. Бледный, ошеломленный, он во все глаза глядел на Чжуаси, и в этом взгляде мешались ужас и глубокая, щемящая боль.

— Племена варваров вырезали сотню наших братьев во время ночного набега! — выкрикнул кто-то из толпы. — Генерал, мы решили сжечь этого мелкого ублюдка заживо! Пусть его смерть успокоит души павших!

Десятки глоток тут же подхватили клич. Солдаты потрясали копьями, исступленно оря:

— Сжечь его! Сжечь! Сжечь его!

У Мао Сяофэя зазвенело в ушах. Перед глазами все плыло, он плакал — слишком долго смотрел не мигая. Как они смогли поймать Чжуаси? Неужели мальчишка шел за ним до самого лагеря? Неужели он не отступился и пробрался сюда только ради него?

— Тихо, — Му Цаньшан поднял руку, и гомон мгновенно стих.

Под прицелом сотен глаз он подошел к сети, покачивающейся в воздухе. Чжуаси, вцепившись пальцами в веревки, прижался к ячеям и злобно посмотрел на генерала. Помедлив секунду, мальчишка оскалил острые, точно у зверька, зубы и утробно, угрожающе зарычал.

— Мао Сяофэй! — Оклик выдернул его из оцепенения. Кто-то крепко обхватил его за запястье и бесцеремонно потащил назад.

Сюй Ци привлек его к себе и негромко, но веско спросил:

— Ты знаешь этого мальчишку?

Вокруг все еще гудела возбужденная толпа, так что на их шепот никто не обратил внимания. Мао Сяофэй, покрываясь холодным потом, выдавил:

— Он спас мне жизнь. Когда мы бежали от племен варваров... на нас напали в пещере. Этот

ребенок... он невероятно силен.

— Ты хотел сказать «страшен»? — Сюй Ци прищурился, разглядывая пленника. Тот продолжал буравить взглядом стоявшего напротив Му Цаньшана. Дистанция между ними была приличной, но в поведении мальчишки не сквозило ни капли страха. — Посмотри на него. Он смотрел волчьим взглядом. Слышал, как он рычал?

Мао Сяофэй тупо кивнул.

— Это ребенок-волк. Для таких убить — раз плюнуть, чистый инстинкт. Твоим друзьям крупно повезло, что они вообще остались живы.

Му Цаньшан оглянулся и заметил, как кто-то шепчет что-то Мао Сяофэю прямо на ухо. Лицо молодого генерала потемнело.

— Этот ребенок... — Он прервался, но Мао Сяофэй уже вскинул голову.

Му Цаньшан едва заметно приподнял бровь. И пускай их разделяли десятки людей, Мао Сяофэй сразу все понял. Этот взгляд предназначался ему. Генерал ждал его решения.

Да и притворяться Сяофэю не было нужды — он всем сердцем желал спасти Чжуаси от костра. По крайней мере, не дать сжечь его живьем прямо сейчас. Мальчишка спас его от смерти, а в лагерь пришел только потому, что шел по его следу. И если бы Сяофэй не прятался от него, Чжуаси никогда бы не решился на прорыв. В груди Мао Сяофэя шевельнулась привычная жалость простого человека.

— Этот ребенок — не из племен варваров, — твердо произнес Му Цаньшан.

По толпе пронесся недоуменный ропот. Солдатам показалось, что они ослышались. Кожа мальчишки была темной от грязи и загара, да и поймали его в травяной юбке племен варваров, которую с него спешно содрали.

Один из командиров шагнул вперед:

— Генерал, не позволяйте ему обвести вас вокруг пальца! Вот его барахло! — Солдат за его спиной торопливо протянул ворох жухлой травы и зазубренный костяной нож. — Этим оружием он ранил нескольких из нас. Зверь, а не ребенок! Не проявляйте к нему жалости...

Му Цаньшан посмотрел на него ледяным взглядом, заставив осечься на полуслове.

Пожилой офицер лет сорока поджал губы. Он обиженно тряхнул жирными щеками, когда поспешно опустил голову, пряча злость и явное несогласие.

— Воды.

Приняв из рук солдата бадью, Му Цаньшан безжалостно плеснул ледяной водой прямо на голову мальчишки. Чжуаси зашелся в яростном крике, выгибая спину, и с новой силой вгрызся в путы.

Молодой генерал действовал молниеносно. Грубым лоскутом ткани он провел по щеке пленника — и под слоем въевшейся сажи проступила нежная светлая кожа. Чжуаси брыкался, но силы были неравны. Вскоре его лицо полностью очистили от грязи. Тряпка превратилась в черное месиво, зато перед солдатами предстал совершенно другой ребенок — круглощекий, со светлой кожей. Теперь даже его злой оскал казался детской гримасой, лишенной прежней дикости.

— Он не из племен варваров, — звучно произнес Му Цаньшан. — Это малец из Цинси, которого похитили дикари. Мы торчим здесь месяцами, изнуряя себя тренировками. Ради чего, спросите вы?

На лицах солдат отразилась целая буря чувств: тоска по дому, злость на врагов, вековая горечь. Многие сжали кулаки. Кто-то выкрикнул из задних рядов:

— Ради государя! Ради наших семей!

— Верно, — подхватил генерал. — Мы здесь, чтобы защитить тех, кто нам дорог, и исполнить долг перед правителем. Жители Цинси не проливают кровь своих братьев. У этого ребенка тоже есть родные, которые, возможно, до сих пор оплакивают его и ищут повсюду. Его украли еще несмышленищем и вырастили как зверя. Он был слишком мал, чтобы защитить себя.

В толпе повисла тяжелая тишина. Мужчины прятали взгляды, вспоминая собственных оставленных дома детей и престарелых родителей. Нашлись те, кто молча шагнул вперед, намереваясь перерезать веревки и освободить пленника.

— Стоять, — пожилой офицер преградил им путь. Он медленно повернулся к Му Цаньшану. — Этот волчонок дик и опасен. Он непременно кинется снова. Как быть с теми тринадцатью солдатами, которых он искусал?

Му Цаньшан бесстрастно посмотрел на Чжуаси:

— Коль его зубы несут лишь зло, воля ваша. Поступайте с ними как найдете нужным, генерал Цзи.

С этими словами он сошел с помоста и направился к своей ставке, даже не обернувшись.

Стоило его фигуре растаять в темноте, как генерал Цзи отдал короткий, жестокий приказ:

вырвать мальчишке зубы и только после этого выпустить из сети.

Вскоре площадь опустела. Вдалеке сиротливо догорали два факела, бросая зыбкие блики на притихший плац. Из густой тени в углу выскользнула одинокая фигура. Человек крался тихо, стараясь не производить ни звука.

Изувеченный, лишившийся зубов Чжуаси лежал прямо в грязи. Его лицо превратилось в кровавое месиво. Теперь он не мог никому навредить, и солдаты просто бросили его здесь — никто не станет тратить силы на полуживое насекомое.

Мао Сяофэй бережно завернул обмякшее тельце в уставную форму и поднял на руки. Мальчишка метался в бреду, он мелко подергивал ладонями и ступнями. Рот запекся от крови, а щеки раздулись так, что страшно было смотреть.

У Сяофэя перехватило горло. С трудом сдерживая слезы, он понес Чжуаси в свой барак. Ребенок не приходил в себя, лишь слепо жался ближе, пряча лицо у него на груди.

Ночь еще только вступала в свои права, и в казарме новобранцев вовсю гремели голоса: кто-то резался в кости, кто-то травил соленые анекдоты.

Но стоило Мао Сяофэю переступить порог, как гомон разом оборвался. Воцарилось гробовое молчание.

Сюй Ци, сидевший на нарах, молча поднялся. Положив ладонь на эфес меча, он кивком указал Сяофэю на дальний угол.

Уложив Чжуаси на свою циновку, Сяофэй побрел за водой. Его плечи бессильно опустились. А-Цю испуганно покосился на окровавленного мальчишку и, обойдя нары по широкой дуге, пристроился за спиной Сюй Ци, оттуда с опаской разглядывая пришельца.

Когда Сяофэй вернулся с полным тазом, возле его изголовья уже стояло несколько глиняных флаконов с притирочными снадобьями. Сюй Ци лежал отвернувшись к стене, притворяясь спящим, а А-Цю устроился поодаль, во все глаза рассматривая раненого.

Мао Сяофэй мысленно поблагодарил друзей. Он принялся осторожно обмывать лицо Чжуаси. Ему пришлось сменить воду пять раз, прежде чем ушла вся грязь и запекшаяся кровь. Не удержавшись, он легонько коснулся пальцем впалого детского живота.

Его грудь судорожно вздымалась — мальчик дышал тяжело и прерывисто.

Устроившись рядом на жесткой циновке, Сяофэй прижал Чжуаси к себе. Он осторожно разжал челюсти ребенка. Едва пальцы коснулись распухшей щеки, как мальчишка забился в судороге. Переждав приступ бреда, Сяофэй заглянул ему в рот — там чернело сплошное кровавое

месиво.

Сяофэй судорожно дернул веком. Он провел языком по собственным зубам, упираясь в десну. Он слишком хорошо знал, какую адскую муку приносит вырванный зуб. Невыносимая, ослепляющая боль... Но не лишись малец зубов, озлобленные солдаты превратили бы его в горстку пепла.

Используя еще два чистых лоскута и щедро засыпав раны целебным порошком, Сяофэй бережно прикрыл рот ребенка. Вдруг Чжуаши затрепетал веками.

Сердце Сяофэя пропустило удар.

«Только не просыпайся, умоляю»

Он просто не знал, какими глазами смотреть на этого покалеченного из-за него мальчишку.

Он приоткрыл опухшие веки на крошечную щелочку. Показался иссиня-черный, пугающе глубокий зрачок. Чжуаши мутным, непонимающим взглядом скользнул по лицу Сяофэя. У того перехватило дыхание.

Но секунду спустя мальчик снова закрыл глаза.

Сяофэй шумно выдохнул, чувствуя, как слабеют колени. Подхватив таз с грязной водой, он почти бегом выскочил из палатки.

Оставшуюся часть ночи Чжуаши то и дело метался, размахивая руками и истошно вскрикивая в беспамятстве. Он так и не пришел в себя окончательно — просто бился в бредовом полузабытьи.

Наутро весь барак выполз на плац с тяжелыми черными кругами под глазами. Помощник генерала Лю попытался было выведать у А-Цю, в чем дело, но тот лишь угрюмо мотал головой, не проронив ни слова.

Ближе к полудню Лю Чжэнмин лично явился в казарму. Застав Мао Сяофэя за выхаживанием отродья племен варваров, он побагровел от злости и зычно крикнул прямо с порога:

— Мао Сяофэй! А ну живо на выход!

В штабной палатке Лю Чжэнмин вальяжно развалился за столом. Один вестовой расторопно подносил ему горячий чай, другой примостился у ног, усердно разминая затекшие голени начальника. Сдув пенку с дешевого отвара, помощник генерала смерил вошедшего Сяофэя тяжелым, липким взглядом — от растрепанной макушки до рваных соломенных сандалий.

— Послушай, Мао Сяофэй... Ты что, всерьез думаешь, будто я не найду на тебя управу?

— К чему эти разговоры, господин начальник? — Сяофэй мог бы привычно прикинуться дурачком и улестить офицера, но сегодня на душе было паршиво. Чжуаси по-прежнему не приходил в себя, и тратить силы на улещивание этого слизня не хотелось.

— К чему?! — Лю Чжэнмин взъярился, он нахмурился и с маху ударил ладонью по столешнице. — Ты притащил дикого зверя в казарму новобранцев! С каких это пор ты тут распоряжаешься? Может, тебе уже и набором рекрутов заправлять дозволено, а не только кур щипать? Даю тебе время до вечера. Если во время вечернего обхода я снова увижу в твоём углу этого волчонка, оба пойдёте под военный суд!

— Под какой ещё суд? И за что нас судить? — хладнокровно спросил Сяофэй.

Лю Чжэнмин опешил. Он-то ждал, что этот нищелюб затрясётся от страха и повалится в ноги, а тот стоял как ни в чём не бывало и ещё смел задавать вопросы.

— Цинси ведёт войну на уничтожение с племенами варваров! Этот щенок — лазутчик, вражеский шпион! Ни один честный солдат не посмел бы пригреть его. А ты мало того что притащил его в лагерь, так ещё и раны ему врачуешь. У меня есть все основания считать вас сообщниками. И не забывай: ты ведь чужак из Страны Верхней Ци, на тебя и так косо смотрят!

Заметив, что Сяофэй молчит, Лю Чжэнмин решил, что тот испугался, и сменил гнев на милость:

— Сяофэй, будь умнее. Зачем тебе эта обуза? Нам самим жрать нечего, а ты ещё одну прорву на шею вешаешь. На войне нужна горячая любовь к государю и каменное, глухое к жалости сердце. Проявлять мягкотелость к врагу — всё равно что греть змею на груди. Это государственное преступление!

Мао Сяофэй молча поднял руку и вытер со щеки капли чужой слюны.

Лю Чжэнмин брезгливо хмыкнул:

— С твоей хромой ногой тебя пока освободили от учений. Так что у тебя есть время хорошенько пораскинуть мозгами и принять верное решение. Не доводи до греха.

Он поднялся из-за стола, вплотную подошёл к Сяофэю и, наклонившись к самому уху, зашептал:

— Один очень важный господин велел мне присматривать за тобой. Мне бы не хотелось, чтобы ты так глупо сгинул. Твоя шкура дорого стоит, не стоит губить её ради ребенка-волка.

Помощник генерала уже собрался уходить, как вдруг Мао Сяофэй рванулся вперед и крепко схватил его за широкий рукав. Взгляд парня сделался настолько колючим и злым, что у Лю Чжэнмина мороз пробежал по коже. Сглотнув, он боязливо потянул воротник и выдавил:

— Ты чего удумал?

— Раз уж тот важный господин велел тебе меня беречь, то хватит ли у тебя духу лишить меня жизни?

Мао Сяофэй развернулся и зашагал прочь, оставив офицера стоять посреди палатки. Лю Чжэнмин долго смотрел ему вслед, прежде чем прийти в себя. Он смачно сплюнул на землю:

— Тварь... Убить я тебя, может, и не убью, но у меня найдется добрая сотня способов сгноить тебя заживо.

Выслушав рассказ друга, Сюй Ци нахмурился.

— Зря ты полез на рожон, — покачал он головой. — Рано или поздно этого мальчишку все равно придется убрать из лагеря.

— Вот-вот, — поддакнул А-Цю. — Братец прав. Мой кузен невероятно мстителен, он тебе этого так просто не спустит. Отыграется по полной.

Мао Сяофэй молча разжал челюсти спящего Чжуаси. Раны на деснах все еще кровоточили и сильно опухли. Твердой рукой парень всыпал туда порцию целебного порошка.

— Я справлюсь. Не переживайте за меня.

Эта непоколебимая уверенность лишь сильнее встревожила Сюй Ци. Вспомнив следы на теле Сяофэя, которые он видел, когда помогал обрабатывать его раны, Сюй Ци почти сразу догадался, какую безумную карту тот собирается разыграть.

После ужина Сюй Ци позвал Сяофэя переговорить с глазу на глаз. В лагере повсюду были лишние уши, поэтому Сяофэй просто привел его к птичнику — заодно и покормить своих подопечных.

Дикие куры весело кудахтали, склевывая зерно. Лишь семеро наседок по-прежнему выглядели вялыми. Сяофэй взял кисть и принялся ставить чернильные метки на их лапах.

Сюй Ци молча наблюдал, как тот ловит и метит брыкающихся птиц.

— Стоит ли ломать себе жизнь ради какого-то чужого мальчишки? — наконец тихо спросил он.

— Мне уже двадцать шесть, — не отрываясь от работы, глухо отозвался Сяофэй. — Скоро стукнет тридцать, потом сорок. За душой ни гроша, боевыми искусствами я не владею, так что карьеры военного, как вы, мне не сделать. А этот малец... он сирота. Мне до безумия его жаль.

— В мире полно сирот.

— Знаю. В мире полно и бедняков, и сирот. Всех не обогреешь. Пока они страдают где-то там, где я их не вижу, я ничего не могу поделать. Но этот ребенок — здесь, прямо передо мной. И я могу его спасти.

— В наши дни добродетель не приносит благодарности, — вздохнул Сюй Ци, видя, что тот упрямится. — Он — ребенок-волк. Он никогда не поймет человеческой доброты. Рано или поздно ты горько пожалеешь об этом.

Сяофэй долго молчал. Сюй Ци решил, что его слова наконец возымели действие, и хотел было продолжить.

Угасающее солнце окрасило макушку Мао Сяофэя в багровые тона. Опустив голову, он мягко погладил одну из диких куриц по перьям. Птице не понравилось, что ее отвлекают от еды, и она больно клюнула его в ладонь. Выступила кровь. Сяофэй лишь небрежно потрянул рукой, слизывая каплю.

— Я ведь тоже сирота.

Закончив с кормежкой, он молча зашагал прочь. Сюй Ци остался один у вольера. Проводив его взглядом, он тяжело, шумно вздохнул и негромко проронил в пустоту:

— Скоро это изменится.

<http://bllate.org/book/18429/1823473>